

ЧАСТЬ 2. КАК?.. КТО?..

ГЛАВА 10. ИЮНЬ V

1

Со следующего дня началась моя странная жизнь в Северном Ёми.

Сперва, конечно, это было очень неприятно. Я знал ответ на вопрос «Как они могут?», но все равно не находил себе места от беспокойства и возмущения. Умом я все понимал, однако эмоционально принять не мог.

Все до единого одноклассники и учителя держались так, будто мы с Мей не существовали. В ответ мы с Мей вели себя так, будто не существовали все остальные. Что за извращенная, противоестественная ситуация.

Однако в какой бы извращенной и противоестественной ситуации ни оказался человек, рано или поздно он привыкает. Поскольку правила игры были предельно ясны, мое положение, можно даже сказать, было на пару уровней лучше, чем та гадость в предыдущей школе. По мере того как один день сменял другой, я начинал находить, что все не так уж плохо, и иногда мне казалось даже, что плюсы перевешивают минусы.

«Не так уж плохо»... В смысле, по сравнению с непонятной ситуацией, когда вопросы «что?» и «почему?» оставались совершенно непонятными, сейчас было намного лучше. И в другом отношении я тоже мог сказать, что да, сейчас намного лучше.

Наша с Мей Мисаки изоляция посреди целого класса.

Это эквивалентно нашей полной свободе посреди целого класса.

«А вот если...» – время от времени я позволял себе увлечься детскими мечтами.

Как бы мы с Мей ни повели себя в кабинете класса 3-3, о чем бы ни заговорили – никто бы нам и слова не сказал. Всем пришлось бы притвориться, что они ничего не видели и не слышали.

Даже если бы Мей выкрасила волосы в какой-нибудь безумный цвет. Даже если бы я вдруг принялся петь посреди урока или сделал стойку на руках прямо на парте. Даже если бы мы начали вслух обсуждать план ограбления банка. Все равно они, думаю, делали бы вид, что не видят и не слышат нас. Даже если бы мы принялись обниматься посреди кабинета, как влюбленная парочка.

Стоп, Коити.

Тормозни со своими свихнутыми фантазиями, сейчас не та ситуация. Понял, пацан?

...Как бы там ни было.

В каком-то смысле я пребывал во внешне невероятно мирной, тихой среде, абсолютно невозможной в условиях нормальной школьной жизни.

Под этим углом я и рассматривал свое положение.

Но, конечно, под спокойной поверхностью все равно таились напряжение и настороженность, тревога и страх; цепкий ужас от постоянного ожидания, продолжится «катастрофа» этого года

или нет.

Так прошло больше недели с начала этой новой фазы нашей жизни. Позади осталась половина июня, новых происшествий не было.

Думаю, количество прогулов Мей (когда она оставалась дома) заметно сократилось.

С другой стороны, у меня оно выросло. Тут никаких сомнений.

Но, хотя при обычных обстоятельствах это непременно встревожило бы классного руководителя Кубодеру-сэнсэя, он меня совершенно не ругал. И бабушку с дедушкой, моих опекунов, он проинформировать никак не мог. По словам Мей, когда речь идет об учениках, которых «нет», в родительских собраниях, посвященных вопросам выбора старшей школы и всяким прочим, участвуют другие учителя, не классный.

Миками-сэнсэй, помощница классного, время от времени выдавала своим поведением, что ей очень тяжело. Я бы соврал, если бы сказал, что меня это не волновало. Но... показать это ей я тоже не мог. Действительно не мог.

С учебой у меня все было нормально. Мою посещаемость учителя, скорей всего, подправят, и если только я проскочу экзамены, то в чем проблема? Если не случится чего-то чрезвычайного, то благодаря связям отца я поступлю в старшую школу совершенно спокойно, так что...

Собственно, кроме этих вызывающих рассуждений, мне ничего другого и не оставалось. И само собой думалось: ничего плохого в этом нет, ведь так?

2

В дни, когда не было дождя, мы с Мей, двое «несуществующих», частенько поднимались на крышу корпуса С. Иногда там и обедали вдвоем.

Сегодня я, как обычно, взял с собой бабушкино бэнто. Мей клевала какую-то булочку и запивала чаем из банки.

– Кирика-сан тебе бэнто не делает?

– Делает иногда. Когда она в настроении, – в голосе Мей звучало безразличие. Никакой досады или жалости к себе. – Может, один или два раза в месяц. Но, честно говоря, получается у нее ужасно.

– А сама себе ты готовишь?

– Неа, – с таким же безразличием покачала головой она. – Могу разогревать готовое, это максимум. Так ведь все делают?

– Вообще-то я хорошо готовлю.

– Эээ?

– Я был в кулинарном кружке в старой школе.

– ...Это необычно.

Не совсем то, что я хотел бы услышать от Мей.

- Может, как-нибудь и мне что-нибудь приготовишь?

- Э... аа, не вопрос. Как-нибудь, - ответил я после секунды смущенной нерешительности. Когда настанет это «как-нибудь»? Эта мысль не успела толком во мне сформироваться, когда я спросил о другом: - Кстати, а ты была в рисовальном кружке, да?

- В первом классе, да. Я и с Мотидзуки-куном тогда познакомилась.

- А сейчас?

- В смысле?

- Сейчас ты в этот кружок ходишь?

- Когда я была во втором классе, кружок распустили. Точнее, вроде они приостановили его деятельность.

- Но в этом году он в апреле снова заработал?

- Да, и тогда я там пару раз показалась. Но с мая прекратила.

Ну ясно - она не могла больше туда ходить, потому что ее «не было».

- А когда ты была в первом классе, куратором тоже была Миками-сэнсэй?

Повисла пауза. Мей посмотрела мне в лицо, потом наконец ответила:

- Миками-сэнсэй тоже. Главным куратором был другой учитель рисования. Но во втором классе он перевелся в другую школу, так что...

И тогда кружок прикрыли, пока Миками-сэнсэй не решилась курировать его единолично, да? Понятно.

- Кстати. Когда мы тут в первый раз встретились, ты тоже рисовала, помнишь? У тебя был с собой альбом.

- Да?

- И с тем же альбомом я тебя потом видел в дополнительной библиотеке. Ты уже закончила то, что тогда рисовала?

- ...В общих чертах.

Она тогда рисовала красивую девочку с шарнирными суставами. Мне вспомнились слова Мей: «В самом конце я собираюсь дать этой девочке большие крылья».

- Ты уже пририсовала там крылья?

- ...Да, - Мей опустила взгляд, в котором затаилась грусть. - Я тебе ее как-нибудь покажу.

- А, ага.

Как-нибудь... да? Интересно, когда?

Мы пробирались через такие вот совершенно тривиальные беседы, и у меня было такое чувство, будто мы провели уйму времени, говоря обо мне, хотя не скажу, что Мей задавала очень уж много вопросов. Я рассказывал про отца в Индии. Про покойную маму. Про мою жизнь до переезда в Йомияму и про мою жизнь после переезда. Про бабушку с дедушкой. Про Рейко-сан. Про разрыв легкого и госпитализацию. Про Мидзуно-сан...

Но Мей при этом совершенно не стремилась рассказывать что-либо о себе, если только я специально не спрашивал. И даже если спрашивал, она, как правило, обходила вопрос либо просто отказывалась отвечать.

– А хобби у тебя какое? Рисование?

Я даже такие вот формальные вопросы пытался задавать.

– Вообще-то мне больше нравится рассматривать картины, чем рисовать.

– О, правда?

– Даже если это всего лишь альбомы с репродукциями. У нас дома их очень много.

– А ты на выставке картин была когда-нибудь?

– В провинциальных городках вроде нашего – без шансов.

Потом она сказала, что предпочитает старую западную живопись, до импрессионизма. И что картины вроде тех, что пишет ее мать, Кирика-сан, ей безразличны.

– А куклы? – неожиданно для самого себя спросил я. – Что ты думаешь о куклах Кирики-сан? Они тебе тоже не нравятся?

– ...Ну, как тебе сказать, – по ее лицу прошла тень. – Не могу сказать, что не нравятся. Есть некоторые, которые я люблю, но...

Я решил не углубляться в этот вопрос. Самым непринужденным голосом, каким только мог, я предложил:

– Будешь в Токио – заходи как-нибудь в гости. Пройдемся по музеям. Я тебе покажу, где что.

– Ладно. Как-нибудь.

Как-нибудь...

Когда настанет это «как-нибудь»? Вновь эта неясная мысль всплыла у меня в голове.

3

– Не хочешь заглянуть в кружок живописи? – предложила Мей на большой перемене в четверг, 18 июня.

С утра безостановочно лил дождь, так что обед на крыше исключался. А в классе, вместе со всеми, нам есть не хотелось – нас же «не было». Как только закончился четвертый урок, мы, будто подав друг другу сигнал, одновременно встали и вышли в коридор. Тогда-то Мей и произнесла те слова.

Мне в голову приходили лишь менее интересные места, так что я согласился сразу:

– Давай.

Кружок живописи обитал на первом этаже нулевого корпуса, в самой западной его части. Изначально он занимал обычный учебный класс. Потом его поделили пополам, и помещение кружка живописи стало вдвое меньше. Вторую половину занимал кружок культуры. Табличка на двери гласила: «Краеведческое общество».

– Ой! – раздался возглас, едва мы вошли.

Две девочки, которых я никогда раньше не видел. Судя по цвету их бейджиков, одна из них училась в первом классе, другая во втором. У второклассницы было спокойное узкое лицо и хвостик на голове, у первоклассницы – круглая детская мордашка и очки в красной оправе.

– Мисаки-семпай! – воскликнула второклассница с хвостиком и удивленно заморгала. – Что ты здесь?..

– Так, захотелось зайти, – ответила Мей своим обычным бесстрастным тоном.

– Разве ты не ушла из кружка?

– Просто сделала перерыв.

– Ооооо, правда? – это уже первоклашка в очках.

Похоже, эти девчонки были не в курсе специфической ситуации в классе 3-3 (что, впрочем, неудивительно, если учесть правило «не рассказывать никому за пределами класса»). Они начали разговаривать с Мей абсолютно нормально – это было лучшим доказательством.

– Эмм, а это кто? – поинтересовалась второклашка, глядя на меня.

Мей тут же ответила:

– Мой одноклассник Сакакибара-кун. Он и с Мотидзуки-куном тоже дружит.

– Ооооо, правда?

Первоклашка. Она это произнесла ровно тем же тоном, что и в прошлый раз, будто проигрывала одну и ту же запись. И выражение лица у нее было такое же – застенчивая улыбка... Ой. Это для меня не очень хорошо, пожалуй.

– Он сказал, что его интересует кружок живописи, и я его привела, – дала Мей минимальное объяснение.

– Ооооо, правда?

– Ты собираешься вступить? – спросила второклашка, застав меня совершенно врасплох.

– Ээ, я не планировал... В смысле, не знаю, я...

Пока я сражался со словами, Мей скользнула мимо девчонок. Я последовал за ней.

В комнате было куда опрятнее, чем я ожидал.

Середину занимали два больших рабочих стола, в точности таких же, как в кабинете рисования. У одной стены выстроились шкафчики членов кружка, на противоположной висели большие металлические полки, где аккуратно стояли и лежали художественные принадлежности и прочие вещи.

– Мотидзуки-кун совершенно не изменился, – заметила Мей, подойдя к одному из нескольких мольбертов, стоящих в комнате. Взглянув на него, я увидел копию «Крика» Мунка – нет, не совсем копию. Детали фона были вроде не такие, как в оригинале, и человек, закрывающий уши руками, смахивал на Мотидзуки...

...И ровно в этот момент вошел Юя Мотидзуки собственной персоной.

– О, семпай.

– Мотидзуки-семпай!

Услышав девчачьи голоса, я обернулся – и да, в дверях стоял Мотидзуки. Как только он увидел нас с Мей, его лицо преобразилось, как будто он внезапно наткнулся на привидение или что-то подобное.

– Ээ, девочки, можно вас обеих на минуту? Прямо сейчас? – обратился он к младшеклассницам, старательно не глядя на нас с Мей. – Мне срочно нужна ваша помощь.

– Ооооо, правда?

– Но ведь как раз Мисаки-семпай зашла...

– Просто идемте.

И Мотидзуки выскочил из комнаты, чуть ли не волоча девонок за собой.

Снова повернувшись к «Псевдо-Крику» на мольберте, Мей тихонько хихикнула. Это оказалось заразительно – я с трудом подавил смех.

Тяжело было бы вести себя так, как будто нас «нет», в присутствии двух посторонних, не подозревающих, что происходит (и, конечно, объяснить им Мотидзуки не мог). Вот почему он должен был убраться отсюда под каким угодно предлогом. Интересно, что именно Мотидзуки придумает в качестве помощи, которая ему требуется от девонок «срочно»? Мое воображение разыгралось, и мне стало даже немножко жаль Мотидзуки.

Мей отошла от «Псевдо-Крика» и направилась в заднюю часть комнаты. Из-за шкафчиков она что-то вытащила.

Это что-то было полностью обернуто белой тканью, но форма и размер дали мне понять, что это тоже мольберт. Мей осторожно отвернула край ткани. Там был холст десятого размера[1] лицевой стороной к мольберту. Мей тихо вздохнула и перевернула холст.

Незавершенная картина маслом. И не нужно было спрашивать, чтобы понять, что рисовала ее Мей...

На холсте был портрет женщины во всем черном. С первого взгляда в женщине угадывалась мать Мей... но.

Ее лицо было неестественно рассечено надвое. Разрез шел от макушки через лоб, между

бровей, через нос и рот. И половинки головы были раздвинуты в стороны буквой V. Такая вот картина.

На правой половине рассеченного лица я увидел слабую улыбку. А на левой – грустное выражение. Ни крови, ни каких-то внутренних, подкожных структур на картине не было, так что реалистичной ее никак не назовешь. Она выглядела гротескной и, на мой взгляд, отдавала дурновкусием...

– Хоть не выкинули ее, – пробормотала Мей. – Если бы в кружке был не Мотидзуки-кун, а Акадзава-сан...

То она уничтожила бы картину на том основании, что творчество человека, который «не существует», тоже не должно существовать. Скорей всего, Мей именно это имела в виду.

– Заберешь ее домой? – спросил я.

– ...Нет, – Мей качнула головой и перевернула холст обратно. Потом обернула мольберт тканью и убрала за шкаф.

4

Выйдя из комнаты, мы тут же наткнулись на Миками-сэнсэй.

Естественно, нам следовало ее игнорировать. А ей следовало игнорировать нас. Я это понимал, но все равно на миг мои ноги сами собой остановились.

Возможно, именно из-за этого Миками-сэнсэй тоже остановилась, а потом неловко отвела взгляд. Мне показалось, что ее губы дрогнули, будто собираясь произнести что-то... Но, вероятно, только показалось. В конце концов, все это произошло в полутемном коридоре в течение нескольких коротких секунд.

По четвергам пятый урок (то есть как раз следующий) – рисование с Миками-сэнсэй, но мы туда идти не собирались. Это такой предмет, что учителю и ученикам гораздо легче, когда двое «несуществующих» отсутствуют. То же относится к классному часу, который у нас шестым уроком.

– Куда теперь? – тихо спросил я у Мей, пока мы шли бок о бок по коридору.

– Давай зайдем в библиотеку, – предложила она. – В дополнительную, естественно. Заодно можем там и пообедать.

5

В общем, звонок на пятый урок застал нас уже в дополнительной библиотеке. Когда мы пришли, там не было никого, в том числе Тибики-сана.

Мей уселась на один из стульев, стоящих вокруг большого стола, и начала читать книжку, которую принесла с собой. Когда она ее доставала, я успел кинуть взгляд на обложку: «Одинокая толпа». Интересно, что это за вещь? Во всяком случае, она, похоже, не имела ничего общего с жанром, которым увлекались мы с Мидзуно-сан.

– Я ее взяла в основной библиотеке, – сказала Мей, опустив взгляд на открытую книгу. – Название как будто само ко мне попросилось.

- «Одинокая толпа»?

- Ее написал человек по фамилии Рисмен. Дэвид Рисмен. Слышал про него?

- Неа.

- По-моему, у твоего отца эта книга вполне может быть.

А. Такого сорта книга, значит.

- Она интересная?

- Мм... да вроде.

Я подошел к тому же шкафу, который показал мне Тибики-сан в прошлый раз, когда я здесь был. Там, где я помнил, я нашел искомое – школьный фотоальбом 1972 года. Взял его с полки и отнес на большой стол.

Выбрав место в двух стульях от Мей, я сел и раскрыл альбом. Дело не в том, что я хотел еще разок увидеть маму времен средней школы. Просто вспомнил вдруг, что хотел кое-что проверить.

Я открыл разворот класса 3-3 и принялся изучать групповое фото на левой странице.

Пятая справа во втором ряду, мне чуть напряженно улыбалась мама-школьница. Спереди-справа от нее, чуть поодаль от учеников, стоял мужчина. Худой, в синем блузоне. Держа одну руку на бедре, он улыбался веселее, чем любой из учеников. Это был... угу, ну точно.

- Где здесь твоя мама?

Раздавшийся у меня за спиной голос Мей так меня напугал, что я чуть не заорал. Блин... она же сидела менее чем в трех метрах от меня. Как я умудрился не заметить, когда она встала?

Приведя нервы в порядок, я указал на фотографию.

- ...Вот.

- Хммм.

Мей заглянула в альбом через мое плечо и уставилась на мамино лицо.

- Рицко-сан, да... – прошептала она. – Хмм... понятно.

Она удовлетворенно кивнула. Потом отодвинула стул справа от моего, села на краешек и спросила:

- От чего твоя мама умерла?

- Ох... – я невольно вздохнул. – Она меня родила, а потом – тем же летом, в июле... Она себя неважно чувствовала после родов, а тут подхватила простуду, которая потом дала какое-то осложнение.

- ...Ясно.

Это было пятнадцать лет назад. Точнее, если подключить арифметику – четырнадцать лет и одиннадцать месяцев назад.

– Кстати, ты вот это знала? – на этот раз спросил я, глянув искоса на лицо Мей. Мне показалось, что повязка на ее левом глазу грязнее обычного. – Глянь, кто в тогдашнем три-три был классным.

Мужчина в синем блузоне в правом углу группового фото.

«А, да. Ее классный руководитель был таким красивым молодым человеком... Он преподавал обществоведение и вел драмкружок или еще что-то в этом роде. И он так любил свою работу. Мне кажется, ученики его очень уважали».

Да, так сказала бабушка, пробираясь сквозь далекие воспоминания. Именно об этом человеке она говорила.

Даже если двадцать шесть лет назад ему было меньше тридцати, сейчас ему уже за полтинник.

Возраст сходится. Но в прошлый раз, когда я заглянул в альбом и заметил его, я, как и, должно быть, Мей сейчас, подумал, что он очень сильно изменился за эти годы.

Ради полной уверенности я проверил имя учителя под фотографией. И я оказался прав. Надпись гласила:

Тацудзи Тибики-сэнсэй

– Можно я еще кое-что уточню? – поинтересовался я, поднимая взгляд от альбома и поворачиваясь к Мей. – На той неделе, когда мы были у тебя дома и ты мне объясняла, что происходит, ты все время повторяла, что узнала это от «одного человека». Это был?..

– Угадал, – кивнула Мей, весело улыбнувшись. – Я имела в виду Тибики-сэнсэя.

6

Вскоре появился и сам Тибики-сан, «правитель» библиотеки. Сразу после того, как я вернул альбом 1972 года на место.

– Ого. Вдвоем сегодня, да? – уронил он, как только заметил нас, а затем занял свое место за стойкой, не произнеся больше ни слова. Как обычно, он был во всем черном (и даже очки – в черной оправе), и его растрепанные волосы с сединой оттеняли худое, бледное лицо. Ничего общего с «так любящим свою работу» учителем, которого вспоминала бабушка.

– Теперь нас двое «не существует», – пояснила Мей, встав со стула.

Оперев локти на стойку, Тибики-сан ответил:

– Вот как. Я слышал об этом мельком.

– Как вы думаете, это сработает?

– Ну, как тебе сказать, – нахмурился он. – Честно говоря, не знаю. Такого никогда раньше не пробовали.

Потом его взгляд передвинулся на меня.

- Теперь ты понимаешь ситуацию, Саакибара-кун?

- Понимаю, но...

- «Но»? Все еще не веришь?

- Да нет, но... хотя, наверно, да. Думаю, я пока что не могу поверить до конца.

- Хмм.

По-прежнему опираясь локтями о стойку, библиотекарь в черном запустил пальцы в шевелюру.

- Полагаю, тебя нельзя винить. Если бы я был на твоем месте и ни с того ни с сего услышал такую историю... ни за что бы не поверил.

Его рука остановилась, по-прежнему сжимая пряди волос; брови резко сошлись.

- Однако, - продолжил он, - все это правда. Этот феномен действительно имеет место в нашей школе, в нашей Йомияме.

Феномен, да?

В памяти всплыли слова Мей на прошлой неделе - те, где она приписала все свое объяснение «одному человеку».

«В общем, человек такое сделать не может. Это вот такой вот «феномен»».

Она использовала этот термин. И еще она сказала: «Это не то, что обычно называют проклятием».

Когда я понял, что «один человек» - именно тот, кто находится сейчас прямо передо мной, все детали встали на свои места. Пытаясь осознать, что вот этот человек, который руководил классом 3-3 двадцать шесть лет назад, по-прежнему оставался в школе, только уже в роли библиотекаря... пытаюсь представить себе, как такое могло произойти...

- Эээ...

Я встал и направился к стойке, куда уже подошла Мей.

- Значит, это вы тогда были учителем обществоведения и куратором драмкружка. И вы же двадцать шесть лет назад были классным в три-три, потому и маму мою знаете...

- Совершенно верно. Полагаю, ты это понял, когда зашел сюда в прошлый раз и просмотрел тот альбом.

- Мм, ага... Но как вы оказались здесь?

- Это непростой вопрос.

- Извините.

- Не за что извиняться. ...Мисаки-кун тебе не рассказала, значит?

Я покосился на Мей.

- Нет, не рассказала.

- Хмм.

Тибики-сан поднял глаза на висящие на стене часы. С начала пятого урока прошло чуть больше получаса.

- У вас по четвергам рисование, да? Полагаю, и классный час после него вы тоже пропустите?

Мы с Мей быстро переглянулись и разом кивнули.

- Мы подумали, что всем будет проще, если нас там не будет.

- Несомненно. Вы приняли верное решение.

- Ээ, Тибики-сэнсэй? – задал я вопрос, который только что у меня родился. – А это ничего, что вы с нами общаетесь?

- Пожалуйста, не зови меня «сэнсэем». «Тибики-сан» вполне достаточно.

- А... ага.

- Видишь ли, я не имею отношения к вашему классу. Все, кто не связан напрямую с классом три-три, можно сказать, в безопасности. Поэтому даже если я общаюсь с вами свободно, это не должно ни на что повлиять.

Ну конечно же. Разумеется, именно поэтому Мей могла спокойно заходить сюда когда заблагорассудится и узнавать у него разные вещи.

- Теперь к твоему предыдущему вопросу, – продолжил Тибики-сан и опустил на стул за стойкой. – Почему бы мне не воспользоваться этой возможностью, чтобы рассказать вам кое-что? Мисаки-кун пока что слышала только фрагменты этой истории.

7

- Откровенно говоря, я не люблю рассказывать о том, что произошло двадцать шесть лет назад. Хотя, возможно, я последний в этой школе, кто был свидетелем тех событий.

Двадцать шесть лет назад, класс 3-3. Смерть ученика по имени Мисаки, которого все любили. А потом...

- Никто не хотел ничего дурного, – произнес Тибики-сан тихим, измученным голосом. – Я был совсем молод и полон учительских идеалов... Я вел себя так, как считал правильным. И ученики тоже. Хотя сейчас то поведение кажется мне легкомысленным. В итоге это послужило толчком к тому, что в нашей школе, фигурально выражаясь, открылись «двери смерти».

Ответственность за это лежит на мне. Кроме того, я в ответе и за то, что не смог остановить «катастрофы», которые начались на следующий год. Вот почему я остался в школе. Я ушел с работы учителя и стал библиотекарем – что в какой-то степени было бегством.

- Бегством? – невольно перебил я. – А при чем тут бегство?

- Одна причина, почему я перестал преподавать, – чувство вины. Я считал, что недостойн быть учителем. Однако была и вторая причина – голый страх, что, если я вновь стану классным

руководителем в классе три-три, «смерть» утащит и меня. Поэтому я сбежал.

– А что, учителя тоже умирают?

– Классные руководители и их помощники – да. Потому что они часть класса три-три. Те учителя, которые просто ведут занятия, в безопасности.

Аа, вот, значит, что... До меня вдруг кое-что дошло.

Постоянное беспокойство Юи Мотидзуки на тему самочувствия Миками-сэнсэй. Стало быть, это он не просто волнуется за здоровье учительницы, в которую влюбился. Он боится, что следующей жертвой станет она, поскольку она у нас помощник классного.

– Вот почему я сбежал, – повторил Тибики-сан. – Но я не хотел бросать школу совсем. К счастью, должность библиотекаря как раз освободилась, и я решил остаться здесь. И всегда быть здесь, чтобы наблюдать за тем, как разворачиваются события... Так, я забегаю вперед.

Губы Тибики-сана изогнулись в самоуничижительной усмешке, и он медленно покачал головой. Тогда я спросил:

– Мисаки двадцать шесть лет назад – это был парень или девушка?

– Это был парень, – тут же получил я ответ. – Мисаки – это было его имя. Кандзи «мыс», как в «мысе Эримо».

– А фамилия?

– Ёмияма.

– Что?

– Фамилия была Ёмияма. Такая же, как название нашего города. Полное имя – Мисаки Ёмияма.

Фамилия Ёмияма? Ну... все бывает. Типа как Адати-сан, живущий в районе Адати, или Мусасино-сан из города Мусасино[2].

Я взглянул на Мей. Она вернула взгляд, потом качнула головой. Видимо, она имела в виду: «Я тоже не знала, пока он сейчас не сказал».

– Этот Мисаки-кун, он разбился на самолете или что? – продолжил я выверять историю.

– Это был пожар, – ответ достался мне так же легко, как и предыдущий. – Подобные истории постоянно меняются и приукрашиваются, когда передаются из уст в уста. Почему-то популярной стала версия с авиакатастрофой, но на самом деле это был пожар. Одной майской ночью дом Мисаки Ёмиямы полностью сгорел. И вся его семья погибла. Он сам, его родители и брат на год младше его.

– А из-за чего он случился?

– Никто не знает. Во всяком случае, был сделан вывод, что это не поджог. Хотя версии этой истории есть разные, включая падение метеорита.

– Серьезно?

- Дом Мисаки был на западной окраине, близ Асамида. Были свидетели, которые утверждали, что примерно в то время они видели там яркую падучую звезду. Поэтому некоторые считают, что она и вызвала пожар. Но я не слышал, чтобы хоть кусочек того метеорита нашли. Так что, полагаю, это не более чем слух.

- ...А.

- Таковы факты, связанные с гибелью Мисаки Ёмиямы двадцатилетней давности, как я их помню. Однако... - Тибики-сан уронил взгляд на руки и еще тише добавил: - Однако у меня нет полной уверенности, что мои воспоминания верны.

- Что?

- Не исключено, что где-то в них провал или что они частично изменены. А я даже не заметил. И я не имею в виду - просто за давностью лет. Как бы это сказать? Если я не стараюсь постоянно удерживать воспоминания о тех событиях в фокусе, они сами собой расплываются. Гораздо сильнее, чем прочий мусор у меня в голове. Не знаю, почему, но выглядит вот так. Хотя, возможно, вы двое не понимаете, даже несмотря на мое объяснение.

«Легенда наносит ответный удар» - такая мысль вдруг вспыхнула у меня в голове.

- А что насчет того группового фото после выпуска, на котором появился Мисаки-кун, хотя его там не должно было быть? - спросил я. - Сэнсэй... в смысле, Тибики-сан, вы его видели?

- Да, - кивнул Тибики-сан и на миг поднял взгляд к потолку. - Я тоже был на том фото - мы снялись в одном из кабинетов здесь, в тогдашнем школьном корпусе. Несколько дней спустя среди учеников поднялось беспокойство, и несколько человек принесли мне это фото. И показали - очень похоже было, что там стоит умерший мальчик. Мисаки Ёмияма. Кстати, насколько я помню, Рицко-кун была одной из тех, кто приходил тогда ко мне.

- Моя мама?

- Насколько я помню.

- А у вас осталось то фото?

- Нет, - Тибики-сан поджал губы. - Они напечатали карточку и для меня, но я ее выкинул. Глядя на то, что происходило после, я, честно говоря, струсил. Я даже думал, что беды продолжаются из-за существования фотографии.

- А... - я почувствовал, как по рукам у меня бегут мурашки.

- Пойдем дальше? - предложил Тибики-сан, вновь уткнувшись взглядом в собственные руки. - На следующий год я руководил первым классом, так что о событиях в классе три-три того года знаю только из третьих рук. Что им в начале первого триместра не хватило одной парты и стула. И что как минимум один ученик или родственник умирал каждый месяц. Но даже когда я это все слышал, я никак не связывал это с тем, что было годом ранее. Мне всего лишь было очень жалко людей, на которых обрушились такие несчастья.

В итоге за один тот учебный год скончалось шестнадцать человек, имевших отношение к классу. После выпускной церемонии руководитель класса три-три сообщил мне кое-что. Похоже, в том году в классе был один лишний ученик. «Лишний», которого просто не могло там быть, проник в класс. Так вот, он сказал, что, как только выпускная церемония

завершилась, ученик исчез, и только тогда он это осознал.

– Младший брат Мисаки-куна и был тем самым «лишним, которого просто не могло там быть», потому что он уже умер в прошлом году?

– Очень похоже. Но... – уголки губ Тибики-сана дернулись; несколько секунд он колебался, потом наконец продолжил: – Честнее будет сказать – я не знаю. Мисаки-кун уже сказала тебе? Люди, непосредственно вовлеченные в этот «феномен» вокруг класса три-три, не могут долго удерживать воспоминания о том, кто именно «лишний». Эти воспоминания со временем тускнеют, потом стираются полностью.

Показательный факт: всего через месяц учитель, открывший мне всю ситуацию, полностью забыл все, что случилось, и меня тоже стала память подводить. Я хоть чуть-чуть вспоминаю об этом исключительно потому, что тогда делал записи.

«Представь себе, что река прорывает дамбу и затапливает город. Потом вода отступает...»

Метафора, которую привела Мей на прошлой неделе и которую она сама услышала от «одного человека».

«Сам факт наводнения в памяти остается, несомненно, но воспоминания о том, что именно было затоплено и насколько сильно, постепенно стираются. И здесь как-то так. Думаю, их не «заставляют забывать» – они просто «не могут не забывать»».

– Этот же «феномен» произошел и в следующем классе три-три, и снова многие умерли. Люди начали понимать, что это странно, что что-то непонятное творится. А потом... – Тибики-сан запустил правую пятерню в волосы и взъерошил их еще сильнее. – Через год, в 1976, я снова был назначен руководить классом три-три. И уже сам испытал на себе это. Как человек, имеющий прямое отношение к классу, который люди уже стали называть проклятым...

8

Предыдущий год, 1975, был «обычным». Надеюсь, что, быть может, все закончилось, Тибики-сан взялся за руководство классом 3-3 1976 года. Однако.

Это был «такой» год.

В том году жизни лишились пять учеников класса 3-3 и девять их близких родственников – всего четырнадцать человек. Авария, болезнь, суицид, убийство... причин смерти было множество.

Быть может, «проклят» сам кабинет – так подумал Тибики-сан и попросил администрацию перевести класс в другое помещение. Это было сразу после летних каникул. Но беды не прекратились. После выпускной церемонии в марте «лишний, которого просто не могло там быть» (то есть «мертвый») исчез.

Тибики-сан, хоть и был классным руководителем, не мог вспомнить, кто же был этот «лишний». Позже он собрал информацию и нашел имя человека, который представлялся подходящим кандидатом, но воспоминаний о том, что он лично общался с ним, не было. Он забыл. Тогда Тибики-сан все еще не вполне уяснил всю глубину проблемы с воспоминаниями участников событий...

Пока мы слушали историю Тибики-сана, пятый урок закончился и начался классный час.

Снаружи по-прежнему лило. За этот час дождь заметно усилился. Старые, грязные окна библиотеки дрожали от ветра; капли барабанили по стеклам.

– ...Прошло три года, и снова подошла моя очередь руководить классом три-три. Я думал отказаться, но ситуация не позволила. Я молился, чтобы этот год оказался «обычным», однако молитвам не суждено было сбыться.

Тибики-сан продолжал рассказывать тихим голосом; мы с Мей слушали, не шевеля ни единым мускулом.

– В тот год мы впервые попробовали применить хоть какие-то контрмеры на уровне школы. Мы изменили обозначения классов с «первой параллели», «второй» и так далее на «А», «В»... Класс три-три стал третьим «С». Мы надеялись, что, возможно, если название «места» поменяется, проклятие спадет, но...

Но это не сработало.

Они придумывали и применяли самые разные «контрмеры», но ни одна из них не произвела хоть какой-то эффект. Это я уже знал. Потому что слышал от Мей, что лишь после этого всего был найден «эффективный способ борьбы с проклятием» – вот эта стратегия, «обращение с кем-то, как будто «его нет», ради компенсации «лишнего» в классе».

– ...Результат был тот же. В тот год тоже много человек умерло.

Тибики-сан испустил протяжный, полный досады вздох, потом взглянул на нас исподлобья, словно желая увидеть нашу реакцию. Я смог лишь молча кивнуть.

– Судя по всему, «лишней» в том году была девушка, умершая в классе три-три в 1976. Когда выпускная церемония завершилась и это стало ясно, я тут же записал ее имя. Поэтому, даже когда мои воспоминания о «лишнем» исчезли, я смог убедить себя, что «вот это действительно произошло». Примерно тогда же я начал осознавать, что «лишний» в классе, – это «мертвый», потерявший жизнь из-за «феномена» ранее.

Тибики-сан вновь протяжно вздохнул.

– После того года я ушел из учителей. Прошло уже восемнадцать лет. Директор твердо стоял на том, что разговоры о проклятии не должны стать достоянием общественности. Но со мной повел себя очень деликатно и позволил мне остаться в школе в качестве библиотекаря.

С тех самых пор я здесь. Все время здесь, и отсюда слежу за событиями. Я решил, что буду наблюдать со стороны за «феноменом» каждого года. И иногда ко мне заходят поговорить ученики, как вы двое зашли.

Тибики-сан замолчал и вновь глянул на нас, оценивая нашу реакцию. Судя по его лицу, напряжение, копившееся в нем все время, пока он рассказывал, исчезло бесследно.

– Это... – прервал молчание я. – Можно спросить?

– Что именно?

– Мисаки-сан сказала, что, пока «лишний» – то есть «мертвый» – прячется в классе, все записи и воспоминания меняются. Поэтому детали, которые должны казаться полной ерундой, выглядят осмысленными, и в результате никто не может вычислить, кто именно «мертвый».

Это все на самом деле так?

- Да, это так, - ответил Тибики-сан без малейшей задержки. - Но спрашивать, как или почему это происходит, бесполезно. Потому что сколько вопросов ни задавай, ответить на них с помощью логики невозможно. Все, что ты можешь, - это сказать себе: «Вот так этот «феномен» работает».

- ...

- Возможно, ты не веришь.

- Ну, во всяком случае, я сомневаюсь не сильнее, чем сомневался раньше.

- Хмм...

Тибики-сан медленно снял очки, потом, порывшись в карманах брюк, достал мятый носовой платок. Принялся с усердием протирать линзы и наконец -

- Что ж... - подняв голову, он надел очки и снова посмотрел на нас. - Да, почему бы мне не показать вам. Полагаю, это самый быстрый способ.

После этих слов он выдвинул ящик стойки. Шумно порывшись в его содержимом, он что-то извлек.

Это была черная папка.

9

- Взгляните вот сюда. Здесь очень хорошая иллюстрация того, что происходит.

Тибики-сан через стойку протянул нам папку. Я взял ее в руки, нервно сжав пальцами.

- Здесь я храню копии списков всех классов три-три. Двадцать семь классов, с 1972 по нынешний год. Они выложены в обратном порядке - новые наверху, старые внизу.

Пока он объяснял систему, я раскрыл папку.

Действительно, первые два листа оказались списком класса 1998 года - иными словами, нашего класса. Наверху значились имена Кубодеры-сэнсэя и Миками-сэнсэй, классного руководителя и его помощника, а ниже в столбик выстроились имена и фамилии учеников.

Мое имя - Коити Сакакибара - было вписано от руки в самом конце, на второй странице. Потому что я перевелся после начала учебного года. Так, теперь -

Слева от имен «Юкари Сакураги» и «Икуо Такабаяси» красной ручкой были изображены косые кресты. Справа от имен была контактная информация, а еще правее я увидел надписи. Напротив Сакураги: «26 мая - несчастный случай в школе» и «в тот же день - мать (Миеко) - автокатастрофа». Напротив Такабаяси: «6 июня - болезнь». И еще: справа в строке Такеру Мидзуно значилось: «3 июня - старшая сестра (Санаэ) - авария на работе».

- Взгляни на позапрошлый год.

Прошлый год был «обычным». Видимо, поэтому Тибики-сан предложил посмотреть на позапрошлый. Я послушно открыл страницу, где был список класса 1996 года.

- Полагаю, ты уже понял: красные кресты стоят напротив имен тех, кто умер в тот год. Там же приведены даты и причины смерти. Аналогичная информация приведена и в случае смерти родственников, обратил внимание?

- Да...

Я подсчитал кресты напротив имен учеников; их было четыре. И три имени умерших родственников. Всего, значит, семь человек...

- Видишь имя, написанное синей ручкой в самом низу второй страницы?

- ...А, ага.

«Мами Асакура»

Вот какое имя там было.

- Это «мертвый» того года, – произнес Тибики-сан.

Мей рядом со мной дернулась, пододвигаясь ближе, чтобы посмотреть на листы у меня в руках. Я ощутил кожей ее дыхание, и мои мысли тут же испарились.

- Девочка по имени Мами Асакура проникла в класс в начале апреля и была там вплоть до выпускной церемонии в марте следующего года. И никто не догадался, что она – «лишняя» и просто не могла там быть.

- Ээ, Тибики-сан? – сказал я. – В том году умерло семь человек. Значит, не «как минимум один человек каждый месяц», да?

- Да. Потому что в том году применили «дополнительные меры».

- Применили?

- Тот самый талисман, с которым, полагаю, вы уже очень хорошо знакомы. Они обращались с одним из учеников, как будто его «не было».

- А, ага.

- Мера принесла успех – в первой половине года никто не умер. Однако вскоре после начала второго триместра случилось нечто неожиданное.

- Что именно?

- Ученик, которому досталась роль «несуществующего», не выдержал отчуждения и нарушил «решение» класса. Он начал умолять всех подряд: «Вы думаете, меня нет? Но я есть. Ребята, посмотрите как следует! Я же есть!»... Напряжение оказалось непосильным.

- Вы думаете, именно из-за этого «катастрофа» и началась?

- На это очень похоже.

Я услышал тихий вздох, сорвавшийся с губ Мей.

Не знаю, кого они тогда выбрали «несуществующим», но из-за того, что он (а может, она)

отказался от своей роли посреди учебного года, семь человек, связанных с классом, лишились жизни. Как он (а может, она) принял эту жестокую данность? Как смотрел в лицо одноклассникам, да и себе? Когда я попытался это представить, у меня снова мурашки побежали по коже.

– Так вот, – продолжил Тибики-сан. – «Мертвой» в 1996 году была ученица по имени Мами Асакура – это имя вы и видите внизу. Однако в списке класса его нет. Изначально она была ученицей класса три-три в 1993, тремя годами ранее. Если вы посмотрите тот список, то увидите, что в том году она умерла из-за «катастрофы».

Я пролистал страницы в папке и открыл список класса 1993 года.

Как и сказал Тибики-сан, Мами Асакура там была – как и крестом красным рядом с ее именем. Справа было вписано: «9 октября – болезнь».

– ...Вот что я имел в виду, когда говорил, что на тот момент все выглядит разумно, все согласуется, все так, как и должно быть. Кстати говоря, – Тибики-сан подался вперед и легонько щелкнул указательным пальцем по краю папки, – с апреля двухлетней давности и до следующего марта эти записи выглядели по-другому.

– По-другому?

– Во всяком случае – насколько я помню. В апреле 1996 года имя Мами Асакуры должно было быть в списке класса, поскольку она училась в этом классе. И – опять-таки, насколько я помню – ее имени не было на своем месте в списке 93 года. То есть – оно исчезло. Естественно, вместе с крестом и записью о смерти.

– Оно что, все целиком исчезло?

– Да, – угрюмо кивнул Тибики-сан. – Теперь понимаешь? Пока в данный конкретный год действует «феномен», ты можешь искать где угодно и все равно ничего не найдешь. Это относится не только к классным спискам. То же самое происходит с другими школьными записями и официальными документами, с дневниками людей, с записками, фотографиями, видеокассетами – даже с данными в компьютерах. Все что угодно – все подвергается изменению, искажению, совершенно невозможному с точки зрения здравого смысла, и противоречия, которые должны возникать, когда «мертвый» проникает в класс, оказываются скрыты. Детали, которые не должны складываться, складываются.

– Но это происходит не только с записями, да? С памятью людей тоже?

– Именно. Вернемся к примеру двухлетней давности. Даже будучи «наблюдателем», я ни в малейшей степени не заподозрил Мами Асакуру, хотя ее просто не могло там быть. В реальности она скончалась в возрасте четырнадцати лет в октябре 1993 года, но все про это забыли. Ее семья, друзья, учителя... все до единого.

Не говоря уже о том, что в 96, когда она проникла в класс как «мертвая», ей по-прежнему было четырнадцать, и все верили в эту ложную реальность, что ей положено по возрасту учиться в третьем классе. Ни один человек не усомнился. И не мог усомниться. Все воспоминания о прошлом, все детали, касающиеся ее, были изменены и искажены так, что картина сложилась непротиворечивая. Так прошел год, «мертвая» исчезла после выпускной церемонии, и все наши воспоминания и записи вновь стали такими, какими должны были быть. А все люди, которые были рядом с ней, – одноклассники, семья – все забыли, что она появилась как «мертвая».

Мой взгляд прилип к списку класса в папке, слова умерли, так и не сорвавшись с губ. Это нелепо, это более чем нелепо. Но даже если бы я сказал так вслух, ничего бы не изменилось. Такое было у меня ощущение.

- Почему такие вещи происходят? Как я уже сказал, логика здесь абсолютно бессильна. И механизмы этого «феномена» тоже необъяснимы. Вполне возможно, что никаких физических изменений вообще не происходит, когда имена в списках появляются и исчезают. Я попробовал посмотреть на ситуацию под этим углом.

- Что вы имеете в виду? - спросила Мей.

Между бровей Тибики-сана образовались глубокие вертикальные морщины.

- Я имею в виду, что, возможно, изменения происходят только в головах людей, которые в это вовлечены. Возможно, дело только в нас. Наше сознание интерпретирует как «происходящие физические изменения» то, что на самом деле остается неизменным.

- Что-то вроде массового гипноза?

- Да. Возможно. С центром в нашей школе и областью действия, покрывающей всю Йомияму. А иногда и большей.

Тибики-сан испустил еще один протяжный вздох.

- Тем не менее и этот вывод - не более чем догадка, до которой я как «наблюдатель» дошел за многие годы. У меня нет доказательств, и найти их невозможно. И даже если бы было возможно - я все равно не знаю, что это все означает.

- ...

- ...

- В общем, я сдался, - Тибики-сан поднял руки, будто иллюстрируя свои слова. - Можно сказать, за все это время лишь одно из всего того, что я узнал, имело сколь-нибудь заметный эффект. Это - «стратегия», в которой вы двое участвуете: превращение кого-то из учеников в «того, кого нет». Странная мера противодействия, придуманная кем-то десять лет назад. Но, хотя были годы, когда эта «стратегия» успешно предотвращала «катастрофы», были и случаи, такие как два года назад, когда она на полпути переставала работать.

- Два года назад... - неожиданно слабым голосом произнесла Мей и плотно прижалась ко мне, вглядываясь в папку у меня в руках. - В том году классом три-три руководила Миками-сэнсэй, да?

- Э?..

Я вновь уставился на список класса. И точно. На самом верху было выписано имя Миками-сэнсэй.

- Да, точно.

- А ты не знал? - с чуть удивленным видом сказал Тибики-сан, потом потюкал кончиком правого среднего пальца в середину бледного лба. - Должно быть, ей тоже пришлось многое пережить. А в этом году ее вдобавок назначили помощником в классе три-три...

Тибики-сан рассказал нам еще несколько историй, связанных с «феноменом».

Что до меня, то я уйму вещей услышал впервые. Но для Мей, думаю, было по-другому. Наверняка она уже знала более чем просто «чуть-чуть» о том, что мы сейчас услышали.

Информация, которую я получил впервые. Один из примеров – правило о «зоне охвата». Тибики-сан, называющий себя «наблюдателем», сформулировал его на основе своих наблюдений за все это время.

– Судя по всему, «катастрофы» касаются только членов класса три-три и их родственников до второго колена, – веско сообщил нам Тибики-сан. – То есть родители, родители родителей, братья и сестры. Кровное родство является необходимым условием. Ни разу не умер родственник, не связанный с кем-то из класса три-три по крови, – отчим, например, или сводный брат. Полагаю, можно считать, что они в безопасности.

– Кровное родство, значит? – пробормотала Мей.

Родители, бабушки-дедушки и кровные братья-сестры. Тети, дяди и двоюродные сюда не входят.

– «Зона охвата» имеет и чисто географическую составляющую. Полагаю, я говорил уже, что центром «феномена» является школа, а распространяется он на всю Йомияму. Похоже, чем дальше от города ты находишься, тем слабее эффект.

– Значит, если уедешь достаточно далеко, то будешь в безопасности?

– Можно провести такую грубую аналогию: чем ты дальше от города, тем хуже мобильная связь. На сегодняшний день нет ни одного случая смерти из-за «катастрофы» родственника, живущего где-то вдалеке отсюда. И крайне мало случаев смерти вне Йомиямы кого-то из местных. Так что...

Разве это не значит, что, если совсем припрет, можно просто уехать из города?

– Эмм... можно еще спросить? – внезапно мне вспомнилось кое-что, и я решил поинтересоваться. – Что-нибудь когда-нибудь случилось во время школьных выездов?

Я вовсе не удивился, когда Тибики-сан угрюмо насупил брови.

– Трагедия 87 года.

– ...Э?

– Кошмарное происшествие, которое случилось во время выезда в 1987 году. Тогда выезды проводились в первом триместре третьего года. Но, поскольку классы всегда выезжали в другие префектуры – то есть покидали «зону охвата» – ученики класса три-три не страдали от «катастроф». Однако... – морщины на лбу Тибики-сана стали еще глубже, в голосе мне послышалась боль. – В том году учеников рассадили по автобусам в соответствии с номерами классов и повезли в аэропорт. По пути и случилась авария. Они ехали по шоссе и были уже на самой окраине города, когда в автобус с учениками класса три-три врезался встречный грузовик. Водитель заснул за рулем.

Я распахнул глаза, в грудь словно нож вонзился. Я кинул взгляд на Мей, но ее выражение лица совершенно не изменилось. Видимо, она уже знала эту историю.

– В той трагедии погиб руководитель, который ехал вместе с классом три-три, и шестеро учеников. Семь человек всего. Автобус, который ехал сзади, тоже пострадал в аварии, что привело к нескольким жертвам за пределами класса три-три.

– Значит... именно поэтому они со следующего года перенесли выезды на второй год?

– Да, – кивнул Тибики-сан, по-прежнему хмурия брови. – И не только большие выезды, но и обычные локальные поездки тоже. После той трагедии ученики третьих классов никогда не участвовали в мероприятиях, где требуется уезжать из школы на автобусах.

Сразу после этих слов хриплый звонок возвестил окончание шестого урока.

Тибики-сан кинул взгляд на настенные часы и опустил на стул по ту сторону стойки. Потом снял очки и вновь начал протирать их платком.

– Давайте закончим на сегодня. Полагаю, я чересчур увлекся и совсем вас заговорил.

– Не, ничего, спасибо. Можно еще немного поспрашивать?

– О чем?

– Ну, я хотел бы узнать про эффективность этой «стратегии», если вы не возражаете.

Я облокотился на стойку и уткнулся взглядом в изнуренное лицо библиотекаря.

– Вы сказали, что «стратегию», когда одного ученика как бы «нет», придумали десять лет назад. За все это время какой был процент успеха?

– Понятно. Очень актуальный вопрос, – Тибики-сан откинулся на спинку стула и закрыл глаза, потом сделал глубокий вдох и, не меняя позы, не открывая глаз, заговорил: – В 88, первом из этих лет, она сработала. Не было никаких сомнений, что «мертвый» проник в класс в апреле, однако никто не умер. «Трагедия 87 года» произошла всего годом раньше, и, думаю, люди были готовы испробовать все что угодно – в результате и возникла эта идея. В любом случае, отсюда пошла традиция применять «стратегию» в каждый «такой» год.

С 89 и по наши дни, не считая этого года, было всего пять «таких» лет. Как я уже говорил, в позапрошлом году «стратегия» перестала действовать на полпути. Из других четырех случаев, насколько я помню, дважды был успех и дважды неудача.

– Когда вы говорите «неудача», вы имеете в виду, что ученик, которого «нет», отказывался от этой роли, да?

– Вовсе не обязательно, – Тибики-сан открыл глаза. – «Стратегия» включает в себя много условий, правил, можно сказать. К примеру, с человеком, которого «нет», необходимо обращаться соответственно на территории школы, однако с ним вполне можно общаться за ее пределами. Но даже вне школы так нельзя делать во время школьных мероприятий. И так далее. Что печально, ни одно из этих правил, по-видимому, не является абсолютным. А значит, невозможно понять, что именно было сделано не так, что именно привело к неудаче...

– ...Это ужасно.

- Но это данность, которая нам известна, - мрачно произнес Тибики-сан и подтянул дужку очков к переносице. - За эти годы я придумал много аналогий. Во-первых, я не верю, что это то, что обычно называют «проклятием». Конечно, история с Мисаки двадцатилетней давности дала начало всем этим событиям, однако они вальсуют на нас не из-за какого-то разозленного, враждебного к нам духа. И люди умирают не потому, что «мертвый», который прячется в классе, поднимает на них руку или желает им смерти.

За этим не стоит чья бы то ни было злоба или желание причинять боль. Ни в малейшей степени. Полагаю, вы можете видеть злобу в той силе, которая на нас воздействует. Люди всегда чувствуют подобное в бедствиях. Но это относится и к природным бедствиям тоже.

Это просто происходит. Вот почему это не «проклятие», а «феномен». Естественное явление, как тайфун или землетрясение, только сверхъестественное.

- Сверхъестественное естественное явление?

- Надеюсь, ты понимаешь, что я сам не в восторге от такого определения. Но, полагаю, логика в «стратегии» защиты от этого «феномена» такая же, как в защите от естественных явлений. К примеру... - Тибики-сан глянул в окно. - Идет дождь. Чтобы не позволить дождю вымочить нас, лучшее, что мы можем сделать, - не выходить на улицу. Если нам все-таки приходится выйти, наша стратегия - воспользоваться зонтом. Но даже с помощью зонта трудно полностью помешать дождю. Даже если капли падают в предсказуемом направлении, все равно как бы ты ни держал зонт, в какую бы сторону ни шел - сухим ты не останешься. И тем не менее идти с зонтом гораздо лучше, чем без зонта.

Тибики-сан посмотрел на нас, будто спрашивая: «Ну как?»

Я не мог найти нужные слова, а Мей рядом со мной тихо сказала:

- Это еще можно сравнить с засухой и молитвой о дожде.

- Хооо?

- Мы страдаем от засухи. Молиться о дожде бесполезно, но если разжечь костер с большим количеством дыма, это, в принципе, может сработать. Но иногда дым достаточно влияет на атмосферу, чтобы вызвать дождь, а иногда недостаточно.

- Хм. Неплохо.

- Ээ, так что, Тибики-сан? - вмешался я, решив, что хватит с меня аналогий. - Что будет в этом году? Прекратятся «катастрофы», раз нас уже двоих «нет»?

- Я уже сказал - не могу с уверенностью дать прогноз. Но, - Тибики-сан снова подтянул дужку очков к переносице, - «катастрофы», раз начавшись, почти никогда не прекращались на полпути. Так что -

- «Почти никогда»? - я попытался зацепиться за строгое значение этих слов. - То есть иногда они все-таки прекращались. Это -

В этот момент раздалось «дзззыннн!» - будто звонок старого телефона. Пропустив мимо ушей мой вопрос, Тибики-сан извлек из кармана пиджака черную штуковину. Стало быть, это его мобильник звонил.

- Прошу прощения. Одну минуту...

Тибики-сан поднес трубку к уху. Перекинулся с собеседником несколькими очень тихими словами, которые я не смог разобрать, потом убрал телефон обратно в карман.

- На сегодня все. Заходите в другой раз.

- А, ну ладно.

- Но с завтрашнего дня меня некоторое время не будет. У меня есть кое-какие дела, и на несколько дней я уеду из города. Вернусь самое позднее в начале будущего месяца.

Когда Тибики-сан это говорил, его лицо выглядело усталым до предела.

Он неспешно встал со стула и протянул руку к черной папке, которую я держал... и ровно в эту секунду я вспомнил кое-что.

- Ээ, на самом деле, - быстро заговорил я, - я еще кое-что хотел бы узнать у вас сейчас.

- Мм?

- О том, что было пятнадцать лет назад. 1983 был «таким» годом или «обычным»?

- 83?

- У вас же здесь есть список класса за тот год, да? Значит...

Я начал было листать бумажки в папке, но Тибики-сан приподнял руку, останавливая меня.

- Можешь не проверять, Саакибара-кун. Я помню. Четвертый год после того, как я сбежал в библиотеку... 83 был «таким годом». В том году в классе три-три -

- Ну? - нетерпеливо промычал я. - Правда, значит? Я думал, что, может, так было, но... да.

- Почему ты интересуешься? В том году что-то случилось, что тебе... А. Понятно.

Тибики-сан, похоже, тоже осознал.

- Понятно. Год Рейко-кун.

- ...Да.

1983 - год, когда Рейко-сан, которой сейчас было двадцать девять, поступила в третий класс средней школы. Год, когда она училась в классе 3-3 в северном Ёми. И еще...

- Тот самый год, когда умерла Рицко-кун, твоя мать, - лицо Тибики-сана помрачнело. - Это произошло... случайно не в нашем городе?

- Она вернулась в дом своих родителей в Ёмияме, чтобы родить здесь, и уже после моего рождения оставалась еще какое-то время. Значит...

- Значит, она умерла в этом городе, - с горечью прошептал Тибики-сан. - Я и не догадывался тогда. Ясно. Вот, значит, что случилось.

Ясно. Вот, значит, что случилось.

Смерть Рицко, моей мамы, пятнадцать лет назад.

После родов она неважно себя чувствовала, а потом еще и подцепила простуду, которая дала осложнение... Вот и все, что я до сих пор слышал о ее смерти. Но, возможно, на самом деле это была одна из «катастроф», вызванных «феноменом» вокруг класса 3-3 Северного Ёми... Нет, какое уж тут «возможно». Наверняка дело было именно в этом.

Простое невезение... Конечно, оставался шанс, что это простое невезение, не больше. Но, с учетом того, что я уже знал, в такое верилось с большим трудом.

[1] 10 размер холста соответствует ширине 530 мм. Здесь и далее – прим.

[2] Адати – район Токио, Мусасино – город близ Токио (входящий в состав т.н. Большого Токио). Коити, по-видимому, просто вспоминает знакомые ему названия, которые могут служить и фамилиями людей.

<http://tl.rulate.ru/book/89941/2883809>